
Отсутствіе религіознаго образованія въ современномъ обществѣ ¹⁾.

Въ дѣтствѣ я хорошо зналъ человѣка, который училъ другихъ плавать, не умѣя плавать самъ. Онъ давалъ мнѣ добросовѣстные и обстоятельные совѣты, какъ держаться на водѣ, дышать, двигать руками и ногами, сколько времени оставаться въ водѣ, какъ постепенно переходить къ фигурнымъ упражненіямъ. Среди лицъ, около которыхъ я тогда обыкновенно бывалъ, это былъ единственный человѣкъ не умѣвший плавать и единственный человѣкъ учившій плаванію.

Я думаю, что каждый изъ васъ въ своей жизни встрѣчалъ нѣчто подобное: встрѣчалъ людей, которые развѣсно и самоувѣренно объясняли ему то, чего не понимали сами, и учили дѣлать то, чего не умѣли сами дѣлать.

Такие люди постоянно встрѣчаются на пути жизни. Если Вы проѣдете версты тысячу по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Вы непременно встрѣтите нѣсколько лицъ никогда не учившихся медицинѣ, которыя дадутъ вамъ рецепты отъ самыхъ разныхъ болѣзней съ ручательствомъ за радикальное выздоровленіе. Вы встрѣтите людей, не имѣющихъ и никогда не имѣвшихъ и гроша за душой, которые будутъ объяснять Вамъ, какъ нажить миллионы. Назадъ тому лѣтъ 16 я былъ секретаремъ редакціи Богословскаго Вѣстника, однажды вечеромъ ко мнѣ явился оборванный субъектъ, видно, и голодавшій и холодавшій, онъ предложилъ про-

¹⁾ Вступительная лекція по Основному Богословію, прочитанная въ Московской духовной академіи 3 сентября 1912 года.

есть, какъ обогатить редакцію. Надо замѣтить, что о существованіи Богословскаго Вѣстника онъ узналъ всего лишь часовъ за десять передъ этимъ. Правда, онъ обнаружилъ охоту и практически демонстрировать, какъ надо обогащаться, и попросилъ у меня аванса, но такъ какъ я аванса ему не далъ, то и демонстрированіе оказалось неудачнымъ. Помню еще—на желѣзной дорогѣ мнѣ встрѣтился молодой человекъ, отрекомендовавшійся художникомъ и литераторомъ по профессіи, онъ объяснял мнѣ, что устройство университетовъ (самъ онъ ни въ какомъ университетѣ не былъ) было самое простое. „Я бы, говорилъ онъ, устроилъ такъ: для чтенія каждой науки отвелъ залу, и каждый желающій могъ бы выбрать себѣ науки, какія онъ желаетъ слушать“. Таковъ проектъ—по своей гениальной простотѣ побивающій рекордъ у замысловъ чиновника Поприщина изъ „Записокъ сумасшедшаго“ Гоголя. Я спросилъ у гениального создателя университетовъ: не произойдетъ ли при осуществленіи его проекта какихъ-либо затрудненій. Положимъ, человекъ желаетъ изучать математику, толкается около разныхъ математическихъ залъ, запинывается на интегральное исчисленіе и узнаетъ, что такое нельзя изучать, не изучивъ предварительно дифференціального? Мой собеседникъ помялъ не многое, но все-таки у него въ головѣ явилась смутная идея порядка и онъ немедленно ввелъ дополненія и измѣненія въ свой проектъ. И опять все оказалось дѣломъ очень простымъ и легкимъ.

Рѣшеніе всякаго рода вопросовъ представляется легкимъ лишь тѣмъ, кто ихъ не изучалъ. Навязываются къ постороннимъ съ этими рѣшеніями люди неумные и невѣжественные. Юристъ не станетъ ни съ того, ни съ сего наставлять васъ законовѣднью, медикъ поостережется давать вамъ при подобныхъ же условіяхъ врачебные совѣты. Но человекъ безъ умственнаго багажа скорѣе всѣхъ спѣшитъ показать вамъ свой багажъ и подѣлиться имъ.

Такъ было и такъ будетъ. Съ этимъ приходится мириться. Но вотъ, что смущаетъ меня. Въ настоящее время въ вопросахъ религіозныхъ безконечное множество людей считаютъ себя компетентнымъ.

И приказчикъ изъ моднаго магазина, и профессоръ политической экономіи, и врачъ дѣтскихъ болѣзней, и человекъ

безъ профессіи—всѣ увѣренно и смѣло выносятъ свои религіозныя приговоры. Разныя лица высказываютъ крайне разнорѣчивыя сужденія: Бога нѣтъ и Богъ есть, Христосъ былъ гениальный человѣкъ, Христа не было. Толстой—святой и православный, православіе—вздоръ. Но какія бы ни высказывались сужденія, они высказываются рѣшительно и безапелляціонно. И вапъ собесѣдникъ не только изумляется, но порою способенъ проникнуться негодованіемъ за то, что вы не спѣшите согласиться съ нимъ въ вопросахъ о религіи. О чемъ свидѣтельствуетъ это? Я думаю, прежде всего о религіозномъ невѣжествѣ, а потомъ, если хотите, и о невѣжествѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Человѣкъ дѣйствительно культурный знаетъ, что убѣжденія вырабатываются и мѣняются нелегко, что на всякій предметъ возможны различныя точки зрѣнія и что нелѣпо отъ каждаго встрѣчнаго требовать, чтобы онъ сталъ нашимъ единомышленникомъ. Вотъ почему я говорю, что религіозная самоувѣренность свидѣтельствуетъ не только о религіозномъ невѣжествѣ, но и о невѣжествѣ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Эта самоувѣренность свидѣтельствуетъ объ отсутствіи образованія, я не говорю: объ отсутствіи учености. Можно быть ученымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необразованнымъ. Образованіе есть нѣчто гораздо болѣе рѣдкое и трудное, чѣмъ ученость. Ученость односторонняя, образованіе всесторонне. Ученыхъ людей теперь гораздо больше, чѣмъ умныхъ людей; образованные люди встрѣчаются очень рѣдко.

Но съ отсутствіемъ широкаго образованія вообще соединяется специфическое отсутствіе религіознаго образованія. Ярко выразилось это въ отношеніяхъ общества къ графу Л. Н. Толстому. Толстой имѣлъ безчисленное множество почитателей. Эти почитатели требовали, чтобы Толстого почитала и православная церковь. Какъ понять это? Толстой отрицать православіе, Толстой называть церковь адомъ и даже хвастать, что если бы его сочиненія получили безпретветвенное распространеніе на Руси, то онъ уничтожилъ бы православную церковь, съ его точки зрѣнія уничтожилъ бы адъ. Какъ ни смотрѣть на православную церковь, но ясно, что находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, какъ будто нельзя требовать отъ нея, чтобы она почитала того, кто хочетъ ее уничтожить. Вѣдь, и отъ преступника мы не

можемъ требовать, чтобы онъ почиталъ палача натягивающаго на его шею веревку. Можно требовать уничтоженія православной церкви, это я понимаю, но нельзя требовать, чтобы православная церковь стала неправославною, тѣмъ болѣе нельзя отъ нея требовать, чтобы она признала православнымъ того, кто самъ отрицалъ православіе и боролся съ нимъ.

Но удивительно, что не только общество, а и самъ Толстой возмущился, когда его объявили отпавшимъ отъ церкви. Недавно у насъ академикъ Марковъ потребовалъ исключенія его изъ кадра православныхъ, потому что онъ не вѣритъ въ догматы православія. Мы не имѣемъ права копаться въ душѣ г. Маркова или составлять гипотезы о томъ, что побудило его сдѣлать свое заявленіе, но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ очень понятнымъ фактомъ. Человѣкъ говорить: я не раздѣляю воззрѣній такого то общества и потому прошу считать меня къ нему непринятымъ. Но въ дѣлѣ графа Толстого мы имѣемъ иное. Человѣкъ заявляетъ: я не раздѣляю воззрѣній такого то общества и требую, чтобы оно считало меня своимъ членомъ. И безчисленные поклонники великаго человѣка требуютъ, чтобы его требованіе было уважено.

Когда православная церковь не стала служить панихидъ по Толстомъ, многіе возмущались этимъ и отъ людей богословскаго образованія мнѣ пришлось слышать: „отчего же по немъ не служить? вѣдь, онъ—христіанинъ“. Желалъ бы я знать, что нужно понимать подъ словомъ христіанинъ? Магометъ и его послѣдователи считаютъ Иисуса Христа рожденнымъ отъ дѣвы, пророкомъ и чудотворцемъ, посланнымъ Богомъ. Какъ смотритъ Толстой на происхожденіе Христа, объ этомъ лучше не говорить. Ни пророкомъ, ни чудотворцемъ онъ Его не считаетъ. Въ новѣйшихъ югахъ составленныхъ юганами, получившими европейское или американское образованіе, многое заимствуется изъ Евангелія. Почему же Толстой—христіанинъ, а какой-нибудь индусъ или татаринъ, торгующій старьемъ, не считаются христіанами? Слово „христіанинъ“ на земномъ шарѣ утратило всякій смыслъ. Христіанами называютъ себя люди, уважающіе нѣкоторые пункты въ ученіи Христа, но, вѣдь, и нѣкоторые пункты въ ученіи Сократа, Платона и Аристотеля безспорно

заслуживаютъ уваженія, тогда съ тѣмъ же правомъ, какъ и христіанами, эти люди могутъ именоваться сократовцами, платониками, аристотелевцами. Нѣтъ, умозаключеніе: Толстой былъ христіаниномъ, слѣдовательно, по немъ можно служить православную панихиду, несостоятельно уже потому, что Толстой если и былъ христіаниномъ, то во всякомъ случаѣ христіаниномъ, отрицавшимъ смыслъ въ панихидѣ.

Однако я долженъ признаться, что теперь, когда прошло болѣе девяти лѣтъ съ объявленія Суподомъ, что Толстой отпалъ отъ церкви, и прошло почти два года со времени его смерти, я начинаю смотрѣть на дѣло иначе и думаю, что можетъ быть не нужно было и говорить объ отпаденіи и, можетъ быть, можно служить и панихиды. Дѣло вотъ въ чемъ. Все это представляется мнѣ теперь крайне несерьезнымъ. У Щедрина въ его „семействѣ Головлевыхъ“ повѣствуется, какъ строго православный Іудушка Головлевъ на похоронахъ своего брата, имѣніе которое онъ прибралъ къ рукамъ, спорить съ священникомъ о безсмертіи и отрицалъ безсмертіе. Священникъ, понятно, защищалъ безсмертіе, но въ рѣчахъ Іудушки онъ видѣлъ однако не „вольномысліе“, а только „свободное цареніе дворянскаго ума“. Вотъ и мнѣ думается теперь: не имѣли ли мы дѣло въ Ясной Полянѣ только съ свободнымъ цареніемъ дворянскаго ума, не управляемого, добавлю, въ данномъ случаѣ никакой логикой. Намъ учили въ Ясной Полянѣ, какъ создать царство Божіе, рай на землѣ, но теперь мы знаемъ, что Ясная Поляна была адомъ, въ которомъ дочь не смущалась подавать въ судъ жалобу на родную мать. Къ счастью и чести человѣчества такихъ семействъ на земномъ шарѣ очень немного. Но я хочу говорить не объ этикѣ, а о логикѣ. Л. Н. Толстой отрицалъ суды и свои сочиненія, въ которыхъ онъ ихъ отрицалъ, благополучно отдалъ въ своемъ завѣщаніи подъ охрану тульскаго окружнаго суда. Дочь и послѣдовательница Толстого, пріемлющая ученіе о томъ, что не должно противиться злу, грозить матери судомъ. Что это такое? Я не говорю объ этической сторонѣ этихъ фактовъ, я останавливаю Ваше вниманіе на ихъ логической сторонѣ.

На Толстомъ я остановился не потому, чтобы онъ интересовалъ или привлекалъ меня. Насколько я понимаю дѣйствительность, Толстой—человѣкъ прошедшаго и безъ буду-

шаго. Если и будутъ существовать толстовскіе музеи и общества, то во всякомъ случаѣ не будетъ толстовцевъ. Нельзя жить и дѣйствовать, руководясь ученіемъ: не дѣйствуя, и нельзя слѣдовать ученію, которому никогда не слѣдовала самъ его составитель. Мое вниманіе останавливается на другомъ: на симпатіяхъ общества къ этимъ логическимъ и этическимъ эксцессамъ и при томъ симпатіяхъ религіознаго характера. Я знаю лицъ глубоко религіозныхъ и православныхъ, смиренно склоняющихъ свои колѣна постъ трудового дня у раки преподобнаго Сергія, лицъ, которыя глубоко возмущались отрицательнымъ отношеніемъ церкви и духовенства къ Толстому. Такимъ образомъ въ самомъ православномъ ядрѣ можно наблюдать взаимное религіозное непониманіе. А далѣе идутъ лица, не отрекающіяся отъ церкви, но думающія, что не они должны слѣдовать ученію церкви, а церковь должна измѣнять свое ученіе сообразно съ тѣмъ, что открываютъ и утверждаютъ ихъ теоріи. А затѣмъ идутъ люди, образующіе легіоны легіоновъ, которые всегда кланяются всякому модному кумиру. Скажутъ имъ, что надо поклоняться Толстому, они предъ нимъ склоняютъ свои выи; скажутъ имъ, что надо кланяться какой-нибудь каменной бабѣ вырытой около Харькова, будутъ кланяться и бабѣ. Люди всѣхъ этихъ типовъ, конечно, люди безъ умственной дисциплины, но тѣмъ болѣе нужно и тѣмъ болѣе трудно съ ними считаться. Сила не регулируемая умомъ, страшна уже потому, что она безтолкова. При этомъ по отношенію къ церковной власти и вообще служителямъ церкви всѣхъ положеній эта сила оппозиціонна. Она можетъ мѣнять свое знамя, можетъ стоять подъ противорѣчивыми знаменами одновременно и называть пророками и Карла Маркса и Льва Толстого, по отношенію его къ учителямъ православной вѣры все будетъ оппозиціоннымъ. Понятъ: почему такъ? очень просто. Видите ли, всѣ пророки новаго типа обѣщаютъ дешевое счастье—одинъ Вамъ говоритъ, что стоитъ только вамъ переменить шиджакъ на блузу и надѣть высокіе сапоги чтобы вы почувствовали себя счастливымъ. Другой, что нужно произвести государственный переворотъ. Третій... но всѣхъ не перечислишь. Мнѣ пришлось слышать отъ одной особы пожеланіе, чтобы насъ посылыли поближе вѣдшіе враги. Она была увѣрена, что это привело бы къ

внутреннему преобразованію и благополучію государства. Интересно было бы знать, если бы внѣшніе враги перебили всѣхъ близкихъ и дорогихъ ей людей, какое бы благополучіе могло дать ей какое-бы то ни было государство? Во всякомъ случаѣ церковная оппозиція, состоящая изъ людей самыхъ различныхъ воззрѣній и различнаго образованія, объединяется надеждою, что счастье можетъ быть пріобрѣтено легко. Церковь не обѣщаетъ людямъ дешеваго счастья, она требуетъ очень многого отъ человѣка, требуетъ, чтобы онъ отказался отъ своего эгоизма, отъ своего эгоистическаго „я“, а большинство людей служатъ только этому „я“; отсюда понятна оппозиціонность большинства людей по отношенію къ церкви.

Есть одно широко распространенное воззрѣніе, имѣющее своимъ источникомъ, думаю, отсутствіе религіознаго образованія. Люди думаютъ, что духовенство и учителя религій, разумѣя подъ ними и богослововъ, скрываютъ отъ общества истину, что они средостѣніе между обществомъ и истиною. Такъ думаютъ вѣрующіе. Для нихъ священникъ есть человѣкъ, закрывающій Христа, а не являющій Его людямъ. Такъ думаютъ невѣрующіе. Для нихъ духовенство, это совокупность людей, живущихъ человѣческою темнотою, распространяющихъ и эксплуатирующихъ суевѣрія и заблужденія. Какъ и всякій взглядъ, этотъ взглядъ имѣетъ для себя нѣкоторыя основанія. Я въ данномъ случаѣ вижу ихъ два. Во первыхъ, и епископы и священники, конечно, не стоятъ на высотѣ Христова идеала и когда они призываютъ людей къ смиренію, терпѣнію и любви, то люди возмущаются, говоря, что требующіе отъ нихъ добродѣтелей прежде всего сами должны являться образцами добродѣтели. Во вторыхъ, Христово ученіе заключается въ немногихъ положеніяхъ. Если хотите, въ немногихъ общихъ принципахъ, эти принципы приходится примѣнять къ безконечно разнообразнымъ частнымъ случаямъ жизни. Іерархическія рѣшенія, какъ нужно поступать въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, могутъ быть ошибочными, могутъ и казаться ошибочными. Въ томъ и другомъ случаѣ легко, конечно, можетъ подняться рѣчь объ извращеніи Христова ученія. Но еслибы лица, такъ враждебно относящіяся къ служителямъ религій захотѣли бы больше подумать надъ вопросами религій и надъ тѣмъ, что представляетъ собою дѣйствительность, они не стали бы такъ

ковать такъ. Принципы, которыми управляется жизнь, передаются по традиціи. Небо не возвѣщаетъ непосредственно своихъ тайнъ каждому человѣку. Принципы жизни въ формѣ ли безрелигіозной морали, какъ во французскихъ школахъ, или въ формѣ морали религіозной, какъ, на примѣръ, у насъ, непременно сообщаются кѣмъ-либо. Учитель можетъ быть плохъ, но онъ необходимъ. Принципы въ концѣ концовъ идеальны, учитель не можетъ быть идеаломъ. Онъ ошибается въ теоріи и погрѣшаетъ на практикѣ. Но за всѣмъ тѣмъ онъ неустрашимое посредство между тѣмъ, что небо возвѣстило человѣку, или что само человечество выработало наиболѣе благороднаго и возвышеннаго въ прошедшемъ, и между новыми поколѣніями людей. Взглядъ на служителей религіи, какъ на средостѣіе, несостоятельны уже потому что каковы бы они сами по себѣ ни были, они, вѣдь, не скрываютъ источниковъ своего вѣроученія отъ толпы: они даютъ возможность каждому провѣрить исповѣдуемую ими вѣру. Насколько сумбурно представленія общества въ этомъ отношеніи, я могу вамъ показать изъ того, что у насъ многіе глумятся надъ апологетикой и я могу назвать среди таковыхъ и богослововъ. Я желалъ бы спросить этихъ людей: живутъ ли они по-овечьи, руководясь только инстинктами, или въ своей жизни и дѣятельности они руководятся какими-либо соображеніями и основаніями? Если первое, то съ ними, конечно, не о чемъ говорить; если второе, то, вѣдь, система руководящихъ ихъ въ жизни соображеній и основаній и будетъ ихъ апологетикой. Безъ апологетики не мыслима никакая доктрина: и теорія Дарвина имѣетъ свою апологетику, т. е. совокупность основаній, почему эту теорію тотъ или другой считаетъ истиною, и ученіе социаль-демократовъ, и теорія монизма. Глумясь надъ апологетикой, люди на самомъ дѣлѣ не понимаютъ, надъ чѣмъ они глумятся. Дѣло въ томъ, что они заранѣе, не изучая и не изслѣдуя, рѣшили, что православное ученіе, защищаемое апологетикой, есть ложь и поэтому они смотрятъ на апологета, какъ на адвоката, взявшагося защищать завѣдомо нечистоплотное дѣло. Теперь даже очень юные студенты часто смотрятъ на богослововъ не какъ на учителей истины, а какъ на римскихъ авгуровъ, о которыхъ раз-

сказывали, что они будто бы безъ смѣха не могли смотрѣть другъ на друга.

Нѣкогда аѳинскій вождь сказалъ несогласавшемуся съ нимъ и замахнувшемуся на него палкой спартанскому: „бей, но выслушай“. Тоже хотѣлось бы сказать и теперь людямъ XX вѣка: „бейте, но выслушайте“. Однако насъ бьютъ, но не слушаютъ. Прежде при идейныхъ переворотахъ люди знали то, что отрицали, и знали, во имя чего они отрицали. Я боюсь, что теперь нѣтъ на лицо ни того ни другого.

Люди всегда хотѣли жить лучше, чѣмъ жили. Но прежде они думали, что преобразование дурнаго строя жизни въ хорошей и счастливый можетъ быть произведено лишь высшею Силою—Богомъ. Богъ или Самъ устроить счастье достойныхъ или пошлетъ Спасителя, который устроить это счастье, люди устали ядять вышшаго благодѣтельнаго вмѣшательства въ ихъ жизнь: они рѣшились, что если бы существовала благая, премудрая и всемогущая сила, то она по причинѣ своей благодти желала бы счастья людямъ, и будучи всемогущей и премудрой дала бы имъ это счастье. Но высшая Сила не открыла себя человѣчеству въ такихъ благодѣтельныхъ актахъ. Слѣдовательно, ея нѣтъ, нужно надѣяться на себя, а не на Бога. Въ пословицѣ: „каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“, нужно зачеркнуть вторую половину. Зачеркнувъ эту половину, зачеркнули и религію. Перестали изучать религію. Въ Россіи ея изученіе уже стараются устранить въ высшихъ школахъ: во Франціи раздаются протесты противъ того, что въ колледжѣ-де Франсъ существуетъ кафедра по исторіи религій, хотя обыкновенно эту кафедру занимаютъ раціоналисты и въ настоящее время исторію религій читаетъ лишенный сана аббата и отрекшійся отъ католицизма Луазан. Не хотятъ думать о религій. Но вотъ—какое затрудненіе возникаетъ при этомъ. У человѣка есть неистребимая потребность служить тому, что выше его, служить идеалу. Религіозный человѣкъ и служитъ Богу и лучшимъ служителямъ Божіимъ: Богу, какъ реализаціи истины, добра и красоты, служителямъ Божіимъ, какъ приблизившимся къ идеалу, указывающимъ ему путь для этого приближенія и силою своей любви приближающихъ его къ нему. Теперь пришли къ заключенію, что Бога нѣтъ и индѣ не существуютъ тѣ, которые нѣкогда были на землѣ и которыхъ на

ней нѣтъ болѣе. Однако потребность служенія тому, что выше человѣка, остается у человѣка. И вотъ—теперь имѣеть широкое распространеніе религія человѣчества, терминъ этотъ предложенъ О. Контомъ, но въ контовскомъ смыслѣ религія человѣчества имѣеть очень ограниченное распространеніе. Богъ для людей—человѣчество. Фейербахъ сказалъ: homo homini deus, социалисты называютъ народъ богомъ. Такое наименованіе народа влагаеть и М. Горькій въ уста зарѣшеннаго попаки. Мы должны согласиться, что человѣчество, народъ, отдѣльные люди нуждаются въ томъ, чтобы имъ служили и что наша нравственная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы служить имъ. Но скажу я: *служить можно только такому Богу, который не нуждается въ томъ, чтобы Ему служили.* Нужно умѣть различать смыслъ слова „служить“ въ приложеніи къ Богу и въ приложеніи къ человѣчеству. Служить Богу значитъ благоговѣть предъ Нимъ, почитать Его, любить Его всѣмъ сердцемъ, всею душою и помышленіями. Служить Богу значитъ получать счастье отъ представленія Бога и получать еще большее счастье отъ ощущенія Бога, если Богъ благоволитъ дать намъ ощутить Его въ нашемъ собственномъ сердцѣ. Служить людямъ значитъ помогать имъ, значитъ дѣлать имъ то, чего они не умѣютъ дѣлать. Неужели служеніе лакея или горничной господамъ есть служеніе богамъ? Этого конечно не скажетъ ни одинъ социалистически настроенный человѣкъ, а между тѣмъ религія человѣчества въ сущности каждаго человѣка трактуетъ, какъ лакея по отношенію къ человѣчеству. Но я думаю, всѣмъ хорошо извѣстно, что лакеи никогда не уважаютъ тѣхъ, кому служатъ. Едва ли кто такъ умѣеть презирать господъ, какъ лакеи. Человѣчество для насъ является реальностью, какъ сумма людей, изъ этой суммы въ насъ нуждаются лишь тѣ слагаемыя, для которыхъ мы можемъ дѣлать что-либо полезное. Но какъ мы можемъ почитать тѣхъ, кому мы приносимъ пользу? Они должны почитать насъ, а не мы ихъ. Намъ на это возражаютъ, что мы сами все получили отъ человѣчества. На это должно сказать: во 1) это—неправда. Мы *все* получили отъ природы, а не отъ человѣчества. Человѣчество не понимаетъ тайны рожденія; не знаетъ, какъ передаются способности, силы, красота. Человѣчество, производя новыя поколѣнія, только по-

винуется инстинктамъ и голосу природы. Во 2) правда, мы получили отъ челоѣчества знанія, опытъ вѣковъ, но мы получили его отъ того челоѣчества, которое уже не существуетъ, которое перешло въ небытіе. Нашихъ кредиторовъ не существуетъ болѣе. Могутъ сказать, что у кредиторовъ имѣются наследники. Но каждый изъ насъ есть такой наследникъ, и если раньше у насъ получилось, что существуютъ лишь должники и нѣтъ кредиторовъ, то теперь наоборотъ, мы получаемъ, что существуютъ лишь кредиторы и нѣтъ должниковъ. И то и другое, конечно, вздоръ, какъ вздоромъ является и религія челоѣчества.

Должно служить людямъ, народу (пролетаріату), челоѣчеству. Но почему должно? Пусть даже моя совѣсть говоритъ мнѣ, что должно служить имъ, для меня этого недостаточно. Мнѣ нужно, чтобы мнѣ объяснили, почему моя совѣсть приказываетъ мнѣ служить людямъ, и нужно, чтобы это объясненіе было вмѣстѣ и обоснованіемъ требованій совѣсти. Вѣдь, и происхожденіе патологическихъ влеченій подлежитъ объясненію, но отсюда не слѣдуетъ, что ихъ нужно удовлетворять. Дѣти боятся темноты, они населяютъ ее грозными образами. Этотъ дѣтскій страхъ можно объяснить, но его конечно не должно поддерживать. Теорія эволюціи объясняетъ происхожденіе нравственныхъ и социальныхъ инстинктовъ тѣмъ, что они выгодны для рода. Но какое дѣло челоѣку до рода, когда онъ часто старается отдѣлаться и отъ родныхъ? Теорія эволюціи, объясняя происхожденіе нравственности, не даетъ оправданія нравственности. Такъ современная философія—философія полуобразованнаго большинства, объясняя намъ происхожденіе современныхъ принциповъ, не указываетъ намъ основаній, почему мы должны слѣдовать этимъ принципамъ и не даетъ надежду на то, что самые эти принципы будутъ устойчивы.

Въ прежнее время принципы передавались по традиціи и утверждались на религіозномъ основаніи. Характеристическая особенность нашего времени—крайнее пренебреженіе къ пятой заповѣди, т. е. пренебреженіе къ тѣмъ самымъ отцамъ, которые по религіи челоѣчества, сдѣлали насъ должниками челоѣчества. Теперь всякій гимназистъ V-го или VI-го класса, перефразируя и искажая слова Бѣкона, можетъ сказать: „истинно древніе, это—мы, потому что мы

знаемъ все, что знали древніе, что знали наши отцы, и сверхъ этого знаемъ еще изъ трехъ и пятикопѣчныхъ брошюръ въ красной обложкѣ, доказательства того, что Бога нѣтъ, и знаемъ, какъ устроить на землѣ всеобщее благополучіе. Въ современныхъ журналахъ Вы часто можете встрѣтить описаніе того, какъ писатель, понятно считающій себя человѣкомъ культурнымъ, сталкивается съ религіозною вѣрою протеста и говоритъ о немъ: „счастливый человѣкъ, онъ вѣрить въ загробное безсмертіе, а я знаю, что его нѣтъ.“ Я желалъ бы знать, кто это, перешедшій въ область небытія, сообщилъ нашему представителю культуры, что за гробомъ нѣтъ бытія. Утвержденіе довольно старое, его держались саддукеи во время Христа, его раздѣляли въ Индіи нѣкоторыя школы можетъ быть за 1000 лѣтъ до саддукеевъ. Утвержденіе, говорю я, старое, но нисколько не подтвержденное новой наукой.

Нѣтъ безсмертія человѣка, нѣтъ безсмертія человѣчества, нѣтъ свободы воли, нѣтъ провидѣнія, нѣтъ Бога и однако человѣкъ долженъ служить кому-то и чему-то во имя какихъ-то принциповъ и идеаловъ. Люди это утверждающіе и безъ сомнѣнія чувствующіе, что ихъ нравственныя требованія висятъ на воздухѣ, мнѣ думается, должны были бы изучить и выяснить, на чемъ утверждались идеалы и принципы людей прошлаго, т. е. должны были бы ознакомиться съ религіями человѣчества; можетъ быть изъ этого изученія извлечется и что-нибудь полезное. Но представьте: изучаютъ все кромѣ религій. Намъ пишутъ о домовыхъ, намъ могутъ представить диссертацию на тему: „была ли замужемъ баба-яга?“, изучаютъ суевѣрія, но тщательнѣйшимъ образомъ обходятъ Библию. Вы можете теперь на Руси встрѣтить лицъ окончившихъ высшую школу и имѣвшихъ спеціальностью всеобщую литературу или всеобщую исторію и не видавшихъ Библию. Я встрѣчалъ такихъ лицъ. Неужели Библия и тѣ факты, о которыхъ въ ней повѣствуется, не имѣли значенія историческаго фактора“. Неужели европейская литература—Дантъ, Клопштокъ, Мильтонъ, Гете могутъ быть поняты безъ Библии? И однако Библию какъ бы стараются прятать. Потребуйте уничтоженія преподаванія Закона Божія въ школахъ и вамъ заплодируетъ вся печать, именующая себя прогрессивною. Отъ знанія религій всячески стараются

отводить. Отъ Библии пытаются уходить, какъ нѣкогда пытался отъ лица Божія уйти Адамъ и какъ отъ лица Божія дѣйствительно ушелъ Каинъ.

Я говорилъ доселѣ о невѣрующихъ. Я обращаю ваше вниманіе не на то, что они не вѣруютъ. Атеисты были всегда: въ Индіи—въ эпоху расцвѣта браманизма, въ Палестинѣ—въ эпоху Давида, въ Греціи—въ вѣкъ Перикла, въ Римѣ—при Цицеронѣ. Я обращаю ваше вниманіе на то, что эти невѣрующіе не вѣрятъ въ то, чего не знаютъ и чего не желаютъ знать.

Теперь обратимся къ людямъ другого типа. Не мало на Руси вы найдете людей, которые скажутъ вамъ, что они ничего не имѣютъ противъ религіи, христіанства, православія. Только о нихъ нужно сказать, что ни религіи вообще, ни православія въ частности они не знаютъ. Они вѣрятъ въ науку. Имѣя смутное понятіе о догматахъ, какъ формулахъ вѣроученія, они однако рѣшительно утверждаютъ, что догматы измѣняются. То былъ догматъ, что человѣкъ созданъ изъ глины, а теперь установлено что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ типовъ—по всей вѣроятности отъ какихъ-нибудь обезьяноподобныхъ существъ. Собственно говоря, никогда не существовало догмата, что человѣкъ созданъ изъ (красной) глины; не установлено и наукой, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ. Но все равно, люди, о которыхъ я говорю, отрицаютъ дѣйствительные догматы, наприм., догматъ воскресенія Христова. И—еще шире—эти люди допускаютъ, что всякій догматъ въ будущемъ можетъ быть отвергнутъ. Христіанство представляется имъ безконечно эластичнымъ ученіемъ. Они его высоко цѣнятъ, берутъ изъ него мораль (разумѣется, съ измѣненіями и поправками), по отношению себя они твердо увѣрены, что стоятъ выше евангельскаго пониманія правды. Любопытно, что къ этому типу у насъ примыкали и богословы и между ними есть такіе, которые проглатываютъ и обезьяну. Но признаюсь, я никогда не могъ понять ихъ. Можно повѣрить въ обезьяну, можно повѣрить въ Адама, но соединять несоединимаго нельзя. Сущность христіанства заключается въ ученіи, что міръ, который былъ созданъ весьма хорошимъ, вслѣдствіе того, что свободныя твари дѣйствовали не согласно съ волею Божіею, а противъ этой воли, оказался ле-

жающимъ во злѣ и для того, чтобы дать возможность желающимъ освободиться отъ этого зла, Сынъ Божій субстанціонально соединился съ человѣчествомъ, претерпѣлъ послѣдствія этого соединенія и теперь подаетъ благодатныя средства спасенія ищущимъ спасенія. Согласно этому ученію зло въ исторіи міра не есть изначальный и неизбѣжный ингридентъ, а есть явленіе вторичное и случайное. Согласно теоріи развитія или теоріи эволюціи въ прошедшемъ не было никакого золотого вѣка, никакого рая. Если гдѣ-нибудь нужно искать адъ, то именно позади себя—въ ужасахъ какой либо ледниковой эпохи. Человѣкъ явился въ міръ съ звѣриною, а не съ ангело или богоподобною природою. Нетрудно, видѣть, что эволюціонное ученіе и ученіе христіанское не соединимы, не съютимы; можно принимать то или другое, но нельзя принимать обоихъ, нельзя жить двумя взаимно исключаящими себя истинами.

Нельзя также жить, руководясь принципомъ, что догматъ есть величина переменная и что всякая истина относительна. Конечно, имѣется безчисленное количество относительныхъ истинъ. Мы говоримъ о тѣлахъ пребывающихъ въ покоѣ; говоримъ о томъ, что мы не двигаемся въ то время, какъ и всѣ тѣла и мы двигаемся вмѣстѣ съ землею и солнцемъ. Только люди, не знающіе математики, могутъ говорить о математической точности, какъ о какой-то точности абсолютной; мы знаемъ, что задачи съ точными рѣшеніями относятся къ задачамъ, точное рѣшеніе которыхъ невозможно, такъ, какъ капля въ океанѣ относится къ океану. Математическія истины только относительно истины. Это такъ. Это мы знаемъ и это нисколько не мѣшаетъ намъ дѣйствовать цѣлесообразно, наоборотъ, часто помогаетъ цѣлесообразной дѣятельности. Но это, вѣдь, совсѣмъ не то, что относительная истинность принциповъ. Если какая-нибудь длина точно выражается цифрами 15 в. 6 саж. 1 арш. 3 верш., а мы обозначимъ эту длину 15 верстами, это будетъ только неточность. Но если мы вмѣсто приведенной величины поставимъ 150 тысячъ верстъ—цифру немислимую на земномъ шарѣ, то это будетъ и ложью и абсурдомъ. Такъ если вчерашній догматъ,—Христосъ есть спаситель человѣчества, намъ сегодня преобразуютъ въ положеніе: Христосъ, сынъ своего времени, далъ нравственное ученіе, которое неприемлемо въ настоя-

щее время, у насъ получается, что вчера, стремясь идти по пути Христову, мы трудились все, наша дѣятельность была нецѣлесообразной, неразумной. Но и этого еще мало. Мы знаемъ, что и нынѣшняя истина—нынѣшній догматъ—завтра можетъ оказаться ложью и слѣдовательно нынѣшняя дѣятельность во имя сегодняшнихъ нравственныхъ принциповъ можетъ оказаться тоже неразумной и нецѣлесообразной. Отрицаніе вѣчной неизблемости догмата есть отрицаніе всякаго принципа. Это отрицаніе равно такому утвержденію: если вы сейчасъ сложите 2 и 2, то получите 4, но если вы произведете эту операцію 2 часа спустя, то можетъ быть получите 4, а можетъ быть и 6, а можетъ быть и единицу. Догматъ есть принципъ, на признаніи истинности котораго объединяется въ своей жизни и дѣятельности та или иная группа людей. Нельзя объединиться около безхарактернаго, безвольнаго и безпринципнаго человѣка, нельзя объединиться около колеблющагося и измѣняющагося начала. Прочно можно объединяться лишь около того, что непоколебимо, понятно, что чѣмъ больше догматовъ, тѣмъ крѣпче единеніе, ибо тѣмъ по большому числу пунктовъ между членами существуетъ согласіе. Но разумѣется, это справедливо только въ томъ случаѣ, если объединеніе совершается при дѣйствительной вѣрѣ въ догматы и при дѣйствительномъ ихъ пониманіи. Объединеніе, утверждаемое на признаніи догматовъ, которые ничего не говорятъ уму и сердцу человѣка, имѣетъ очень малую цѣнность.

Однако человѣчеству нужно объединеніе и нужно объединеніе во имя вѣчныхъ принциповъ. Наука не можетъ дать такихъ принциповъ и не можетъ создать объединенія. Наука есть консолидированный опытъ человѣчества, собраніе фактовъ узнанныхъ человѣчествомъ и собраніе предположеній объ этихъ фактахъ. Развѣ на этихъ фактахъ можно установить принципы? Европейцы заняли Сѣверную Америку, истребили тамъ индійцевъ и отлично тамъ живутъ. Какой нравственный выводъ сдѣлаете вы изъ этого факта? Европейцы теперь дѣлаютъ черный материкъ, т. е. Африку. Говорятъ, что желѣзныя дороги тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально построены на костяхъ туземцевъ. Эксплуатируя и истребляя туземцевъ, европейцы получаютъ множество разныхъ цѣнныхъ матеріаловъ, которые доставляются

въ Европу, которыми пользуемся и мы. Намъ хорошо. Скажите, какое практическое или нравственное правило вы можете извлечь изъ этого факта? Градь выбилъ хлѣбъ на поляхъ одного землевладѣльца и не коснулся полей его соуды. Уже вѣрующіе люди имѣютъ предостереженіе, что отсюда нельзя дѣлать моральныхъ выводовъ, что тѣхъ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня сілоамская и побила ихъ, нельзя считать виновнѣ всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ (Лк. 13, 4—5). Какой же моральный выводъ могутъ сдѣлать изъ подобныхъ фактовъ люди невѣрующіе? Никакого. Дѣйствительность не можетъ дать принциповъ, не можетъ оправдать требованій нашей совѣсти, только религія можетъ намъ объяснить и обосновать ихъ.

Я не говорю, что поэтому нужно непременно вѣрить въ какое-либо религіозное ученіе. Вѣра, какъ и здоровье, не прописывается. Прописываются только лекарства. Я говорю, что люди, которые не принимаютъ никакого религіознаго ученія, какъ незыблемую истину, должны имѣть мужество, чтобы сознаться, что они не располагаютъ никакими общезначительными принципами. Но очень немного людей имѣютъ такое мужество. Большинство будетъ вамъ путать. Я говорилъ теперь о людяхъ двойной бухгалтеріи, которые немножко вѣруютъ въ религію и всецѣло признаютъ науку. Если вы будете говорить, что ихъ міровоззрѣніе есть путаное, что религія—разъ она пріемлется—должна заключать въ себѣ вѣчные принципы и потому есть величина постоянная, а наука—совокупность мѣняющихся гипотезъ о мірѣ есть величина переменная, между тѣмъ какъ у нихъ дѣло представляется наоборотъ, они будутъ оспаривать васъ, и изъ этихъ споровъ, какъ они велись и ведутся, съ несомнѣнностью выясняется истина, что они не имѣютъ понятія о религіозной истинѣ.

Теперь я хотѣлъ бы остановить ваше вниманіе еще на третьемъ типѣ людей—людей дѣйствительно религіозныхъ и однако не имѣющихъ религіознаго образованія. Подъ людьми дѣйствительно религіозными я разумѣю тѣхъ, которые живутъ религіею. Это—люди, которымъ молитва подаетъ облегченіе, которымъ исповѣдь успокаиваетъ совѣсть, которые при принятіи св. Таинъ исполняются страхомъ Божиимъ. И что же вы думаете, какъ эти люди относятся къ источни-

камь нашего вѣроученія? Я слыхаль отъ такихъ, что изъ Библіи нужно многое выбросить. Нужно выбросить пѣснь пѣсней, нужно выбросить притчу о неправедномъ домоправителѣ (Лк. 16, 1—8). Слыхаль я отъ нихъ, какъ они обрушивались на іерархію; слышаль, какъ они говорили, что Синодъ отлучилъ Толстого отъ церкви, просто потому что онъ былъ хорошій человѣкъ. И говорилось это просто. И жили и живутъ эти люди, представьте, религіею, главнымъ образомъ тѣмъ, что дають имъ священники своимъ богослуженіемъ, своими таинствами. Получая блага истинной жизни отъ служителей церкви, они однако просто говорятъ, что эти служители отталкивають отъ себя человѣка, только потому что онъ хорошъ, т. е. дѣлають то, что повидимому трудно дѣлать, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти.

Объ этихъ людяхъ нельзя сказать, чтобы они были лишены образованія вообще и чтобы ихъ было мало. Но вѣдь изъ ихъ рѣчей оказывается, что у нихъ религіозная практика соединяется съ антирелигіозной теоріей. Мы встрѣчаемся здѣсь съ вѣрою непросознанною и непродуманною. Мы не можемъ не желать, чтобы ихъ вѣра пріобрѣла большую теоретическую устойчивость. Иначе произойдетъ слѣдующее: одно лицо выбросить изъ Евангелія 16 глав. Лк., другое выбросить первую, каждый будетъ цензуровать Библию по своему вкусу и усмотрѣнію. Въ концѣ концовъ мы получимъ то, что получилось въ лютеранствѣ. Никакого откровенія, говорить Деличъ, человѣчество не получало и недостойно было его получить.

Разумѣется, указанными мною тремя типами людей не исчерпывается русское общество. Если во Израилѣ въ эпоху повидимому сильнѣйшаго религіознаго разложенія оказалось что 7000 человѣкъ не преклоняли колѣнъ предъ Вааломъ, то безъ сомнѣнія говоря о пребывающихъ вѣрными православной истинѣ на Руси, къ этой цифрѣ нужно прибавить нуля три, да 7 еще нужно на что-нибудь помножить. Но все таки получится число далеко отступающее отъ данныхъ религіозной статистики, устанавливаемыхъ на основаніи метричь. Мы стоимъ предъ несомнѣннымъ фактомъ, что множество лицъ, числящихся по метрикамъ православными не знаютъ православія и не желаютъ его знать. Почему это? Вѣдь, если они даже а priori рѣшили, что православіе за-

блужденіе, то повидимому то обстоятельство, что они живутъ среди православныхъ, принуждаетъ ихъ ознакомиться съ этою доктриною: всегда нужно знать убѣжденія и вѣрованія людей, съ которыми имѣешь дѣло, иначе можно натолкнуться на непріятность, можно, не желая, и причинить непріятность, оскорбивъ дорогія вѣрованія человѣка. Когда въ Москвѣ былъ международный съѣздъ врачей, и добродушные москвичи, показывая этимъ врачамъ свои достопримѣчательности, повели ихъ въ кремлевскіе соборы, какой-то врачъ вошелъ въ Успенскій соборъ съ папиросою въ зубахъ, сторожъ или еще кто-то вырвалъ у него папиросу изъ рта и бросилъ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы этотъ врачъ не зналъ, что въ церквахъ не курятъ, и не понимаю, зачѣмъ ему нужно было выразить пренебреженіе къ вѣрѣ людей, гостепріимно его принявшихъ, какъ я не понимаю, зачѣмъ Толстому нужно было глумиться надъ евхаристіей въ своемъ „Воскресеніи“ и надъ ученіемъ о безмужномъ зачатіи Иисуса въ своемъ Евангелии. Можно отрицать вѣру, не глумясь надъ нею. Я думаю, что люди нравственно развитые понимаютъ это. И вотъ, уже для того, чтобы невольно не оскорбить вѣрованій людей, съ которыми мы живемъ, мы должны быть знакомы съ ихъ вѣрованіями. Будемъ ли мы жить среди мусульманъ или среди индусовъ, мы едва ли окажемся хорошими христіанами, если начнемъ глумиться надъ Магометомъ, Ману или Кришной. Мы не будемъ правы и если не пожелаемъ узнать вѣрованій индусовъ или мусульманъ и не сочтемъ нужнымъ считаться съ ними.

Но люди новаго поколѣнія, относясь отрицательно къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ своихъ отцовъ и учителей, убѣжденіямъ, которыя извѣстны имъ очень мало, жестоко глумятся надъ ними. Какія причины этого? Я думаю, что въ данномъ случаѣ играетъ роль причина общечеловѣческая и причина специфическая. Отцы, учителя указываютъ трудный путь къ счастью. Они не обѣщаютъ скорого и всеобщаго благоденствія. Они говорятъ: работайте, трудитесь, дешево и скоро не дается ничто дорогое. Въ старину этимъ рѣчамъ вѣрили. Но теперь имъ не вѣрятъ, ибо явились учителя со стороны, которыя говорятъ, что счастье устроить легко—нужно измѣнить только порядки, какъ въ баснѣ Крылова „квартиръ“, нужно только пересѣсть, и все пойдетъ, какъ по

маслу. Что нужно для процвѣтанія университетовъ? Отвѣчаютъ: освободить ихъ отъ правительственнаго контроля. И все панацеи предлагаются въ этомъ же родѣ. Получается, что если совершится государственный переворотъ, перестанетъ выпадать градъ, исчезнутъ землетрясенія, исчезнетъ лѣтность—а она, скажу, у русскихъ поразительна, явятся на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе. Неудивительно, что подобныя ученія подкупаютъ. По своему существу они являются тѣмъ же, чѣмъ рѣчь змѣя Евѣ: съѣвъ яблоко и станешь, какъ Богъ. Христосъ говорилъ: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ Мой небесный. Это вѣдь то же: будь, какъ Богъ. Только путь для достиженія этой цѣли въ послѣднемъ случаѣ указываетъ тяжелый и трудный, а въ первомъ случаѣ говорилось: полакомься фруктами и получишь все, чего хочешь. Получить счастье за дешевую цѣну—чего же лучше? Кто же послѣ этого станетъ слушать рѣчи поповъ о терпѣннѣ, смиреннѣ и воздержаннѣ. Лучше заплатить за счастье дешевле, чѣмъ дороже, вотъ—положеніе, являющееся общею причиною, почему новыя поколѣнія не слушаютъ старыхъ съ ихъ рѣчами о горькомъ плодѣ ученья, о томъ, что за благаго даютъ двухъ небитыхъ. Но кромѣ этой общей причины есть еще специфическая. Школа нашего времени не имѣетъ дисциплины и совершенно не приучаетъ къ терпѣннѣ. Курсы теперь сокращены. Учатъ шутя, совершенныя бездарности благополучно проникаютъ въ университеты и легко кончаютъ ихъ. Отъ учителей требуютъ двухъ вещей: 1) чтобы они не обременяли учениковъ уроками, 2) чтобы они считались съ душой ученика. Подъ первымъ разумѣется, чтобы учителя не слишкомъ считались съ установленными программами; подъ вторымъ, чтобы учитель, если душа ученика вслѣдствіи какихъ-нибудь переживаній оказалась нерасположенною приготовить и малаго урока, не возмущался этимъ. Удивляются, почему теперь такъ много школьныхъ самоубійствъ. Право, это, кажется, легко понять. Вѣдь, питомцы и питомицы нашихъ легкихъ школъ,—а едва ли на земномъ шарѣ теперь есть школы болѣе легкія, чѣмъ русскія—совершенно неспособны преодолѣвать препятствія, они не могутъ ни ждать, ни бороться, и они стрѣляются, топятъ и травятся. У нихъ нѣтъ нравственныхъ силъ, потому что они не дисциплинированы воспитаніемъ и не наставлены въ

религіозной вѣрѣ. У нихъ нѣтъ такихъ принциповъ, потому что брошюрки въ красныхъ обложкахъ, давая рецепты счастья, не даютъ принциповъ. И юныя и добрыя души оттолкнутыя руководителями со стороны отъ отцовъ и отъ вѣры отцовъ, негодуютъ, мнутъ, въ 16 лѣтъ начинаютъ чувствовать пустоту въ душѣ и, начитавшись рецептовъ счастья, ищутъ его въ могилѣ. Я смотрю съ удивленіемъ и страхомъ на эти юныя поколѣнія. Среднюю школу они покидаютъ безъ благодарности, въ высшую вступаютъ безъ надежды. Они высокомерно смотрятъ на своихъ учителей, называя ихъ „человѣками въ футлярѣ“, они являются къ профессору на лекцію не за тѣмъ, чтобы поучиться у него чему-нибудь, а прежде всего для того, чтобы его проэкзаменовать, узнать, каковы его убѣжденія. И что вы думаете, профессора понимаютъ это и многіе идутъ на экзаменъ, чтобы отличиться. Химикъ, физикъ вставляютъ цреченія устанавливающія аналогіи между физическими законами и государственными порядками, и экзаменъ выдерживается. Конечно то, о чемъ я сейчасъ говорю, не представляетъ собою распространеннаго явленія, но отчасти уже существуетъ, и то, что это явленіе существуетъ хотя отчасти, ужасно. Прежде человѣкъ впервые вступающій въ высшую школу, приближался къ ней, какъ средневѣковый пилигримъ къ Риму или Іерусалиму, теперь онъ входитъ въ аудиторію, какъ экзаменаторъ или судья, и во взглядѣ его обращеннымъ на профессора можно порою прочесть: „стоишь ли ты еще того, чтобы я тебя слушалъ?“

Многіе ли на самомъ дѣлѣ на Руси стануть въ настоящее время слушать профессора, который скажетъ, что изъ катихизиса Филарета можно научиться очень многому? Не думаю, чтобы такихъ оказалось много. Съ легкимъ сердцемъ повѣрятъ всякой брошюрѣ—безграмотной и невѣжественной, отрицающей религію, чѣмъ самому добросовѣстному богословскому трактату. Я какъ-то развернулъ брошюру Энгельса о Фейербахѣ, пишетъ извѣстность объ извѣстности; Энгельсъ въ этой брошюрѣ пишетъ, что Дарвинъ выяснилъ, что жизнь произошла естественнымъ образомъ. Какъ прикажете отнестись къ этому утвержденію? Авторитетный писатель утверждаетъ фактъ. Мы должны ему вѣрить, въ крайнемъ случаѣ мы можемъ предположить, что „выяснилъ“, это личная и

подлежащая оспариванію точка зрѣнія Энгельса, по во всякомъ случаѣ мы повидимому должны повѣрить тому, что Дарвинъ старался доказать естественное происхожденіе жизни. Если бы авторитетный Энгельсъ соблаговолилъ прочесть „Происхожденіе видовъ“, то онъ бы узналъ, что Дарвинъ отказывался отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи жизни, что онъ не находилъ возможнымъ опровергать даже такой тезисъ, что Творецъ вначалѣ создалъ 5—6 различныхъ животныхъ типовъ, изъ которыхъ возникло все разнообразіе жизни. Энгельсъ по-просту говоря, вретъ, не зная и не понимая, что вретъ. И все таки общество вообще и молодежь въ частности будетъ вѣрить Марксама, Энгельсама, Фейербахама и ихъ эпигонамъ и не будетъ вѣрить богословама. Религіозныя утвержденія отвергаются безъ изслѣдованія. Мнѣ пришлось слышать, что книгу Ренана „Жизнь Іисуса“ нужно принимать какъ научную истину, потому что она написана на основаніи повѣвшихъ источниковъ и открытій. Конечно, говорившіе это и не читали и не думали читать книги Ренана, не опирающейся ни на какіе источники и открытія и продиктованной исключительно лишь фантазіей ея автора. Но я не могу не остановить своего вниманія и не смутиться передъ фактомъ, что разъ утвержденіе антирелигіозно, о немъ говорятъ: оно научно и его должно признать; разъ утвержденіе религіозно, говорятъ: оно ненаучно и его должно отвергать безъ изслѣдованія. Религіозныя проблемы всѣ рѣшены очень просто. Страхъ, невѣжество, эгоизмъ, фантазія создали догматы и эти догматы явились тормазомъ научнаго преуспѣянія и соціальнаго благополучія человѣчества. Заучивъ нѣсколько такихъ предложеній, люди XX-го вѣка объясняютъ намъ происхожденіе нашей вѣры и настаиваютъ на томъ, чтобы мы отказались отъ этой вѣры. Они самоувѣренно производятъ оцѣнку того, чего не взвѣсили, и думаютъ, что наша душевная жизнь извѣстна и понятна имъ, какъ ихъ собственныя старыя туфли. Въ „Гамлетѣ“ есть поучительная сцена, изъ которой къ сожалѣнію эти люди не дѣлаютъ поучительныхъ выводовъ. Розенкранцъ и Гильденштернъ пытаются вывѣдать у Гамлета тайны его души. Гамлетъ сначала тонко пронизиваетъ надъ ними, затѣмъ подходитъ къ одному изъ нихъ съ флейтой и проситъ сыграть на флейтѣ. „Я не умѣю, принцъ“, отвѣчаетъ тотъ.

Гамлетъ объясняетъ, какъ надо играть, упираиваетъ и заключаетъ свою рѣчь заявленіемъ, что играть на флейтѣ также просто, какъ лгать. Его собесѣдникъ, несомнѣнно очень искусный въ дѣлѣ лганья, и послѣ этого отказывается играть. Тогда Гамлетъ, пренебрежительно бросивъ флейту, говоритъ: „какъ же ты хочешь играть на моей дудкѣ? неужели я проще и ничтожнѣе этой дудки“. Какъ же вы хотите, спрошу я у современныхъ Розенкранцевъ и Гильдештерновъ, не изучая, объяснять мнѣ происхождение и смыслъ браманизма, буддизма, маизма, конфуціанства, таоизма, шинтоизма, юдаизма, ислама? Неужели великія идеи и глубокія вѣрованія, заключающіяся въ этихъ религіяхъ, проще и ничтожнѣе вашего лиллипутовскаго ума?

Корень зла заключается не въ томъ, что числящіеся православными люди нашей родины не знаютъ православія. Горе въ томъ, что они не знаютъ никакой религіи, что у нихъ нѣтъ никакого религіознаго воспитанія, и что у нихъ какъ бы исчезли религіозныя инстинкты. Впослѣдствіе человѣкомъ является лишь тотъ, говоритъ Фихте, кто умѣетъ молиться (*ein ganzer Mann, der beten kann*). Но кто теперь умѣетъ молиться? Можетъ быть преподаваніе Закона Божія въ школахъ должно быть сведено къ тому, чтобы научить людей молиться. Эта—безмѣрно трудная наука. Легко заучить имена израильскихъ и іудейскихъ царей, но трудно откликнуться сердцемъ на призывъ: „горѣ имѣемъ сердца“.

Я давно старался по возможности выяснитъ—много ли религіозной пользы приносить преподаваніе Закона Божія въ нашихъ школахъ и какъ сдѣлать, чтобы этой пользы было больше? На второй изъ этихъ вопросовъ я отказываюсь дать отвѣтъ. Что касается перваго вопроса, то несомнѣнно, что религіозное обученіе есть нѣчто лучшее, чѣмъ отсутствіе этого обученія, но кажется, оно хотя и даетъ плоды, даетъ ихъ не много. Не только гимназисты, но и семинаристы нерѣдко шорываютъ съ вѣрованіями отцовъ. До послѣдняго времени, признаюсь, я, руководясь фактами, думалъ, что и церковно-приходскія школы воспитываютъ небольшую религіозность, чѣмъ земскія. Но въ послѣднее время я начинаю думать иначе. Именно противники религіи возбуждаютъ во мнѣ вѣру въ церковныя школы. Очень горячатся эти противники и очень энергично стараются смести ихъ съ лица

земли. Если бы церковныя школы не развивали духа церковности, ихъ противники не стали бы волноваться и портить себѣ кровь. Но они волнуются, они боятся вліянія этихъ школъ. Дай Богъ, чтобы страхъ ихъ былъ основателенъ и чтобы онъ оправдался.

Безъ сомнѣнія всѣ, для кого православіе является истинной, желаютъ этого. Но тѣ, для кого изученіе православія и служеніе ему стало дѣломъ жизни, должны особенно желать этого и не только желать, но и сами должны дѣйствовать такъ, чтобы православіе становилось болѣе и болѣе извѣстнымъ и болѣе и болѣе признавалось истиной. На мѣсто отсутствія религіознаго отрицанія нужно поставить религіозное образованіе, смѣлость отрицанія религіозной истины нужно превратить въ любовь къ изслѣдованію этой истины.

Въ настоящее время многіе города Европы представляются какъ бы религіозными пустынями. Въ частныхъ домахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ вы не найдете слѣдовъ исповѣданія какой бы то ни было религіи. Немногочисленныя церкви въ этихъ городахъ являются какъ бы религіозными оазисами. Я думаю, что духовныя академіи тоже подобныя оазисы. И задача какъ служителей церкви, такъ и питомцевъ академій вообще состоитъ въ томъ, чтобы и пустыни сдѣлать подобными оазисамъ, чтобы все превратить въ цвѣтущую садъ. Теперь живущіе въ этихъ пустыняхъ, какъ могутъ призывать въ Кого не увѣровали? какъ могутъ вѣровать въ Того, о Комъ не слышали? Какъ могутъ слышать безъ проповѣдующаго (Римл. 10, 14)? Нужно проповѣдывать имъ и нужно заставить ихъ слушать проповѣдь; нужно объяснить имъ, что ихъ жизнь безъ религіи есть жизнь безъ принциповъ, что нужны принципы, нужна регламентація существеннаго въ жизни. Какъ нельзя регламентировать всего, такъ необходимо регламентировать существенное. Оторванные отъ вѣры отцовъ люди нашего времени говорятъ: нужно любить не ближняго, а дальняго; нужно любить не страну отцовъ, а страну дѣтей. Ихъ нужно вернуть къ старымъ истинамъ, что нельзя любить того, кого не видишь и не знаешь; нельзя любить не существующаго (см. 1 Иоан. 4, 20). Религія, имѣя своимъ внутреннимъ источникомъ влеченія сердца человѣка, имѣетъ два источника внѣшнихъ: непосредственное откровеніе и традицію. Но такого откровенія

мы недостойны, а въ традицію люди нашего времени не вѣрятъ. Имъ нужно выяснить, что все лучшее въ будущемъ имѣеть своимъ исходнымъ началомъ то, что есть хорошаго въ прошедшемъ. Имъ нужно раскрыть, что есть непрерывность добраго и истиннаго въ исторіи.

Многому нужно учить, а напередъ многому нужно учиться. Но начиная свою лекцію о человекѣ, который не умѣлъ плавать и училъ плаванію, я имѣлъ въ виду не однихъ тѣхъ, которые не получили религіознаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ самоувѣренно объясняютъ, что такое религія, чѣмъ она была и перестала быть и чѣмъ она должна быть. Такіе люди отвѣтственны можетъ быть сравнительно менѣе. Я имѣлъ въ виду также и тѣхъ, которые получили религіозное образованіе и даютъ его другимъ, но для которыхъ самихъ религія не стала внутреннимъ жизненнымъ принципомъ, а осталась чѣмъ-то внѣшнимъ, аналогичнымъ геометрическому или географическому познанію. Въ такомъ случаѣ всякое познаніе и вся вѣра—ничто (1 Коринѣ. 13, 2). И ихъ проповѣдь истины не найдетъ отклика на землѣ и благословенія на небѣ (Мѣ. 7, 22—23). Учитель истины долженъ прежде всего себя научить, какъ жить по истинѣ. Только тогда его проповѣдь истины найдетъ себѣ откликъ въ сердцахъ другихъ.

С. Глаголевъ.

3. VIII. 912.

Ялта.